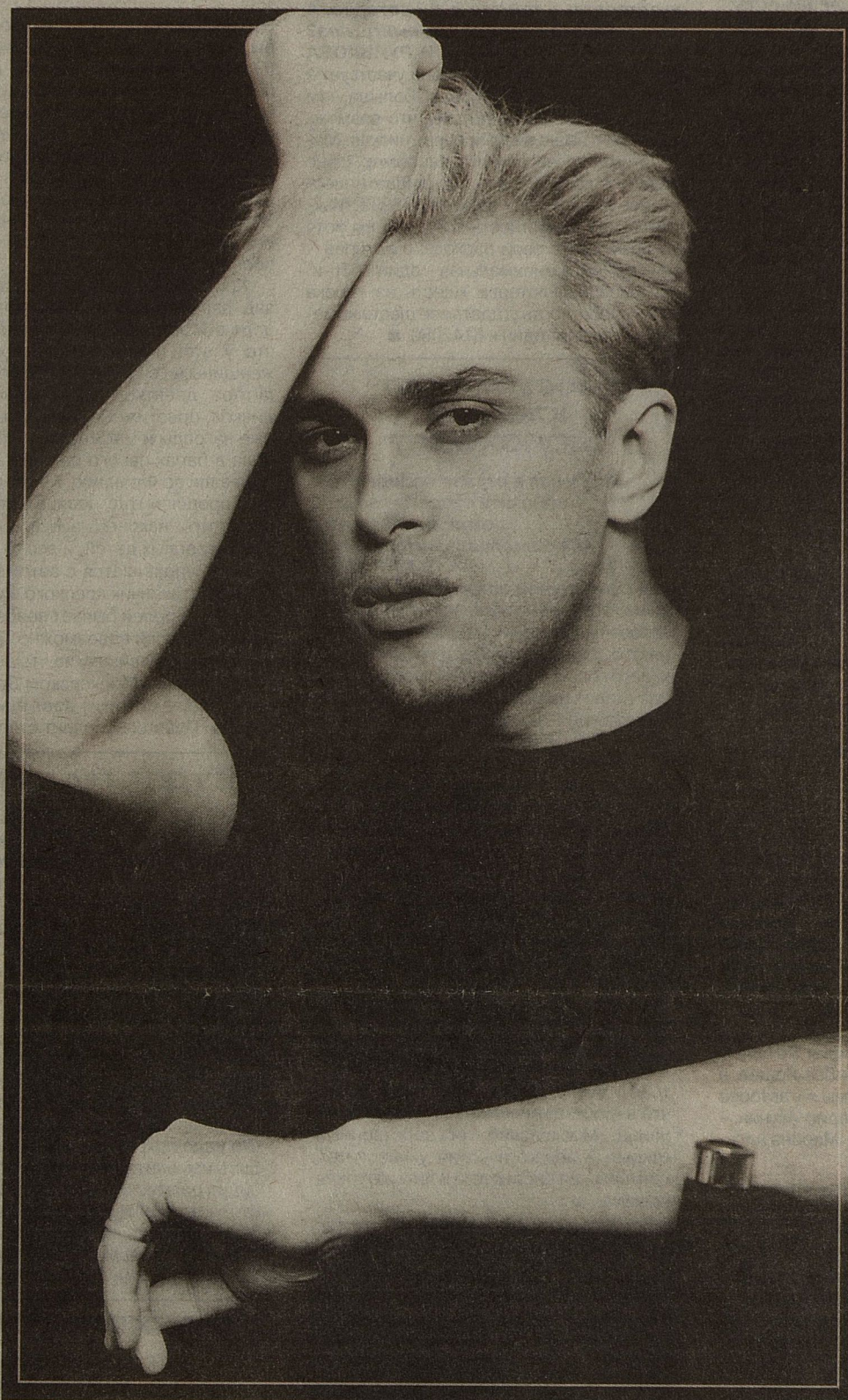

ЛЕВ НОВИКОВ: НЕЛЬЗЯ ПРИДУМАТЬ БРОВИ

Приехав в Москву из Саратова, Лев Новиков быстро стал самым модным парикмахером, а потом занялся макияжем. Это он придумал гримы для знаменитых «Служанок» Виктюка. В то время специальная комиссия постановила платить ему за каждое загримированное лицо как за произведение искусства. Везде, где он появлялся, за ним начинали бегать толпы народных артистов, умоляя сделать макияж. Вместе с цирком Валентина Гнеушева Новиков год работал на Бродвее. Вернулся. Научился фотографировать. Его снимки нельзя ни с чем перепутать: на них любая манекенщица превращается в диву. Новиков много работал на ТВ, начиная «Намедни» с Парфеновым. На гребне успеха он всюду появлялся с никому тогда не известным кутюрье, пропускал его впереди себя и говорил: «Запомните его, он талантливый». Потом Лева остался один. Много времени проводит дома. Иногда фотографирует. Временами преподает на курсах по макияжу. Про него ходят слухи и рассказывают легенды. Такого обостренного чувства красоты нет ни у кого.

«Когда на сцене две грязные табуретки, актеры кричат и плюются – пусть другие одевают их в расписные валенки и телогрейки»

– Лева, а правда, что вы придумали форму бровей для Ренаты Литвиновой, когда она снималась в «Вокальных параллелях» Рустама Хамдамова?

– Это версия непрофессионалов. Нельзя придумать брови человеку, который родился с бровями. Я всегда соблюдаю законы, предписанные тем, кто создает спектакль или фильм. Когда я работал на «Горе от ума» у Меншикова, то выполнял задачи, заложенные его режиссурой. Для Виктюка я придумывал то, чего требовал стиль Виктюка. В случае с Литвиновой все было просто – я хорошо знал стилистику работ Хамдамова: видел его фильмы, знал его графику. У него на рисунках мужчины и женщины всегда с маленькими ртами, с высокими изогнутыми бровями – ему нравился эстетика конца 30-х годов. Чтобы такой образ получился, нужно жестко соблюдать все линии – должны быть приподнятые брови, накладные ресницы, впалые щеки, очень маленький, плотно сжатый рот – так я и гримировал Литвинову. Жаль, кто-то быстро отмыл деньги, они кончились, а фильм до сих пор недоснят.

– Я знаю, у вас есть давняя мечта – сделать свою портретную галерею актрис, наподобие той, которую снял фотограф Валерий Плотников.

– Почему я вообще начал гримировать – меня волновали женские образы, созданные актрисами прошлого. Я хочу сделать портреты знаменитых актрис 60-х, которые почти три десятилетия держали на себе внимание. Это своего рода культовые личности, которые создавали воздух времени, образ эпохи. И я любую фотомоделю подгоняю под такие образы. Даже если сегодня это получится не так чувственно и не так изысканно, как в том знаменитом кадре из «Летят журавли», когда Татьяна Самойлова смотрит в облака и в ее взгляде отражаются вода и деревья, все равно я из любой девочки стремлюсь сделать такую героиню. Однажды я позвонил Самойловой, предложил ее сфотографировать, но она в тот момент лежала в больнице. Подозреваю, что она могла просто испугаться...

– Испугаться?

– Понимаете, вот Рената Литвинова сделала свой фильм «Нет смерти для меня». Она сделала это очень буржуазно и очень по-деловому: человек состарился –

будем показывать его старым, состарился неудачно – что поделаешь. Я же считаю, что нельзя входить в обитель печали, если ты не можешь ничем помочь. Отстраненно наблюдать за этим нельзя! Однажды мы снимали знаменитую актрису, я тогда еще не фотографировал, был только гримером. И фотограф мне сказал: «Ты все время мне мешаешь – стараешься, чтобы она выглядела лучше, а я хочу снять старую актрису!». Я говорю: «А ты ее об этом спросил?!». Некоторые пристраиваются к «звезде», чтобы за ее счет создать себе имидж, после этого «взрослые» актрисы боятся у меня сниматься – думают, что я обнажу их возраст. А я люблю честную игру: на площадке я существую для артиста, а не он для меня. До сих пор не могу простить себе, что не поработал с Татьяной Окуневской. Я как-то гримировал Юлию Меншову для передачи «Я сама». В той же комнате готовилась к съемке Окуневская. Она робко обратилась к гримерше: «Знаете, мне раньше очень шло, когда мне клеи-

ли реснички на внешние уголки глаз. Можно это сделать?». Та ответила: «Да вы что! Не буду я этим заниматься!». Окуневская промолчала.

– Рената Литвинова пытается продолжить линию этих великих «фемин»...

– Понимаете, вот, например, Смоктуновский, Баталов, Демидова, Лаврова – это имидж эпохи, но они не деловые люди. А наши с вами современники, даже самые умные и красивые, заняты делами. Работая над фильмом или спектаклем, они не занимаются искусством, не размышляют о времени, а «делают дела». Я недавно посмотрел в один день: с утра – «Еще раз про любовь» с Дорониной, а вечером – «Небо. Самолет. Девушка» с Литвиновой. Для меня Доронина все равно великая, Литвинова не может это продолжить. Настоящая актриса никогда не будет так играть в жизни – она отыграла в кино, умылась и побежала за хлебом. А Литвинова всегда одинакова и всегда в одном ракурсе, в другом нельзя –

иначе все рассыпется на мелкие осколки. Поддерживать такой имидж – тяжелая работа: а вдруг кто-то подглядит не с того ракурса...

– Марлен Дитрих тоже всегда снимали с определенного ракурса.

– Одно дело, когда ты снимаешь на свои деньги и заставляешь всех на себя смотреть – так делают наши звезды шоу-бизнеса. А Дитрих наоборот – мужчина однажды увидел ее в глазок камеры, влюбился в нее и стал гениально снимать.

– Вы раньше много работали на телевидении. Есть ли сейчас такая передача, к которой вам хотелось бы приложить руку?

– Все скатилось к банальности. Когда я смотрю «Город женщин» на «Первом канале», мне кажется, что это телевидение Рыбинска или Ярославля. Я представляю, как это смотрят в каком-нибудь общежитии, где у людей один телевизор на весь этаж, нет денег и некуда пойти.

– После меншиковского «Горя от ума» вы отошли и от театра...

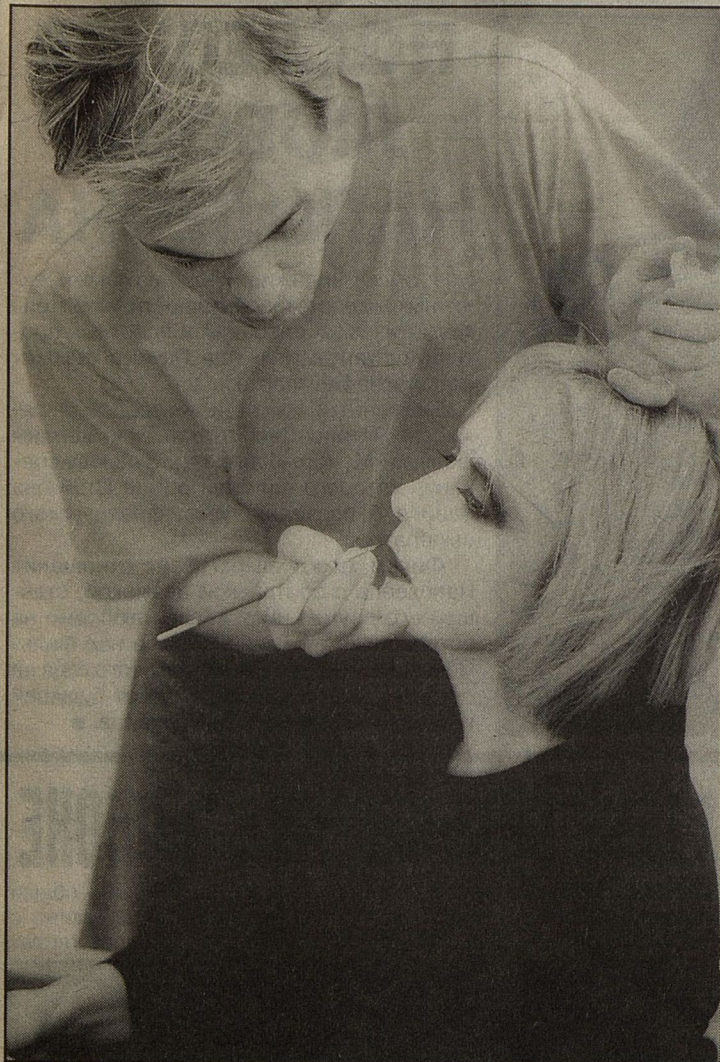
– Вот был бы такой спектакль, как «Остров рабов» Джорджо Стрелера, – я бы стал на него работать. А когда на сцене две грязные табуретки, актеры ходят, кричат, стучат и плюются – пусть другие одевают их в расписные валенки и телогрейки. Я не могу этим жить. Вот я однажды зашел к своей приятельнице в Театр имени Моссовета, послушал, как Серебренников репетирует «Демона», – мне этого хватило. Творческую личность создает команда. У Тарковского была команда, у Любимова была команда. У Виктюка, когда мы делали «Служанок» и «М.Баттерфляй», была шикарная команда, а когда она рассыпалась, его спектакли превратились в «мелодии и ритмы зарубежных стран». В общем, нет сейчас такой команды, для которой я хотел бы делать гримы или костюмы.

– Кто-то из критиков написал, что за границей, сделав грим к «Служанкам», вы могли бы больше не работать, получая немалые дивиденды. А здесь вас не приняли даже в Союз театральных деятелей.

– Не приняли, потому что никто этим не занимался. Но мне тогда не нужен был СТД – я очень много зарабатывал и был независим. Меня радовало и радует другое: я уверен, что меня не забудут артисты, с которыми я работал, – для них это было праздником. У меня был случай с Аллой Балтер. Она пожаловалась Людмиле Максаковой, что у нее не получается роль. Максакова говорит: «А ты позови Левку!». И Балтер, тайно от Гончарова, стала записываться со мной в гримерку, я делал ей макияж и причёску. На репетиции она, естественно, оказалась лучше всех. Она не могла повторить этот грим и причёску сама, да это было и опасно – злить Гончарова, объяснять ему, что театр может претендовать на современную эстетику, – но роль у нее тут же получилась. И мне это было очень приятно. Мне очень нравилась эта игра с тайнами от Гончарова, с записями в гримерке. Я люблю традиционный театр, его ритуалы и субординацию: ты можешь испортить себе карьеру, допустив малейшую бестактность или оплошность, просто закулив в кулисах или не вовремя повысив голос. Все эти тонкости очень важны, они воспитывают. А когда потная нечесаная молодежь на минуту выскакивает на сцену, а потом бежит куда-то еще – театр за это мстит. Я никогда не забуду, как Максакова готовилась к «Даме без камелий»: она сама раскладывала туфельки, платица и перчатки, настраивала зеркала, выкладывала грим. Я приходил к пяти, а она уже была готова, как девочка в пионерском лагере, – здесь у нее щеточка, здесь полотенце. Такое же впечатление у меня было от модели Нади Ауэрман – она напоминала аккуратную немецкую школьницу. Есть хорошее слово в русском языке – прибранность. Актриса должна быть прибранной.

– Я знаю, что вы преподаете...

– Да, на курсах макияжа. Это происходит так: сначала под мое имя собирают по

Художник и его модель.

Алла Демидова.

пятьсот долларов с человека, потом я учу, а потом мне не платят ни копейки. Тут недавно ко мне тайно ходила студентка из Школы-студии при МХАТе. Им закончили читать историю костюма на девятнадцатом веке. И она – будущий художник по костюмам! Как художник может не знать модерна, не знать 20-х, 30-х годов? А ведь Станиславский в свое время мог купить для героини платье у Фортюни – такое платье стоило, как вся постановка, но Станиславский понимал, что на костюмах экономить нельзя!

– **Во времена работы с Виктюком, работы на ТВ у вас было много денег, теперь – нет. Вы сильно поменялись?**

– Да, сильно. Я тогда хотел быть максимально независим от людей и от мест, а

сейчас понял, что любое созидание предусматривает зависимость. Но теперь я один.

– **Как боретесь с депрессиями?**

– Разрисовываю стены в подъезде. Я на фоне этих стен снимал Светлану Королеву – Мисс Европа-2003. Правда, потом один сосед написал в ЖЭК, что я устраиваю здесь дом терпимости и стены надо закрасить, но пока не закрашили. Из-за Аллы Демидовой я научился любить стихи, а раньше не мог их читать. У меня есть диск, где Демидова читает Ахматову. Иногда мне звонит соседка, у которой тоже бывают депрессии, и говорит: «Ну-ка, поставь нашу...» и я ставлю ей ахматовское «Я пью за разоренный дом...». В общем, как-то идет жизнь. Моя бабушка, которая в детстве

провоцировала меня на творчество, была по натуре авантюристкой. Она потому и выжила, что была не как все. Глядя на нее, я усвоил: неадекватным выживать легче. Вот я и стараюсь.

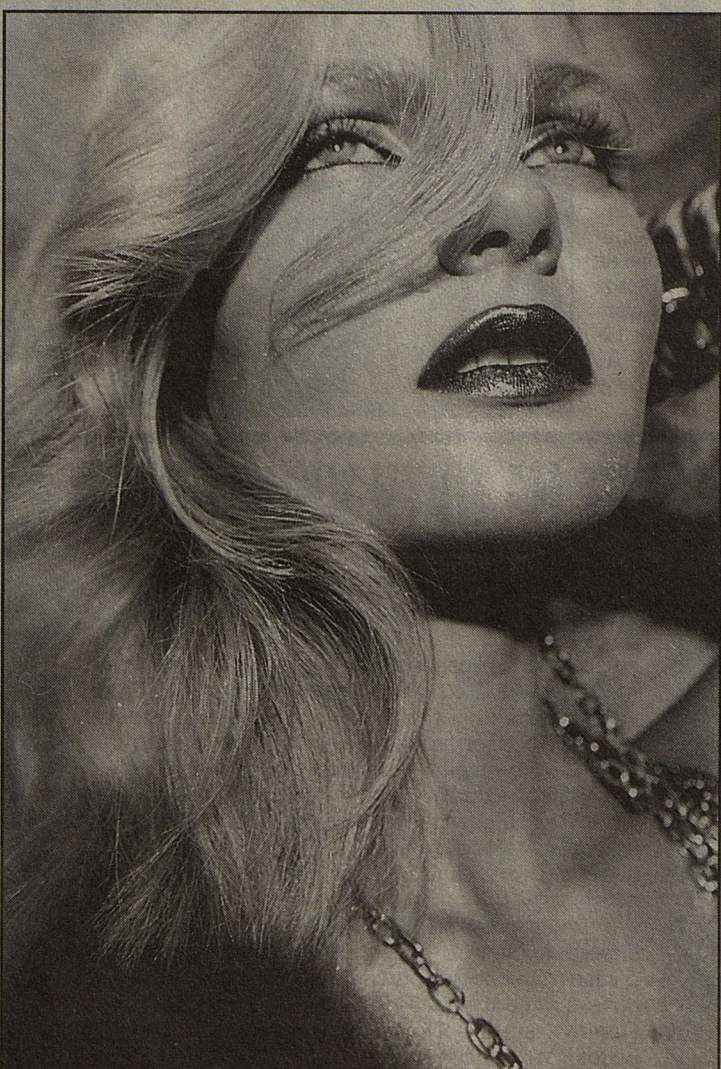
– **Когда к вам приходит новый человек, которого надо гримировать и фотографировать, с чего вы начинаете?**

– Приходит манекенщица, я смотрю, что мне в ней нравится, а что будет мешать. Иногда мешает какая-то деталь, за которую она держится изо всех сил. Уберешь это, и ее обескураженность идет тебе в помощь – она перестает кривляться. Главное: я никогда не расспрашиваю о ее жизни – я придумываю ей новую.

Встречалась
Алла ШЕНДЕРОВА

Рената Литвинова в фильме «Вокальные параллели».

Мисс Европа-2003 Светлана Королева.